

ПОГРЕБЕНИЯ С ТОПОРАМИ В ЯМНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Топоры из ямных погребений Северо-Западного Причерноморья неоднократно привлекали внимание исследователей [39, с.67,69; 5, с.78-81; 63, с.79; 16, с.54-55; 57, с.95-96; 32, с.45], но, в основном, как свидетельства культурных контактов ямного населения либо как датирующие предметы. На наш взгляд, рассмотрение этих изделий в контексте погребального ритуала позволит затронуть и вопросы, связанные с социальной сферой.

Для Северо-Западного Причерноморья нами учтено 8 погребений с целыми проушными каменными топорами, 5 погребений с заготовками топоров, одно из них – с заготовкой молота, 11 погребений с фрагментами топоров. Известно также 2 погребения с проушными молотами и 10 погребений с кремневыми топорами. Еще 2 погребения с проушными топорами (рис.3,4; 3,5) из раскопок Е.В.Ярового и Т.И.Демченко [Слободзея, 1/19,Саратени, 4/4] не вошли в нашу сводку, поскольку мы не располагаем информацией о данных комплексах. Авторы искренне признательны С.М.Агульникову, И.Л.Алексеевой, А.В.Гудковой, Л.В.Субботину и И.Т.Чернякову, разрешившим использовать неопубликованные материалы из их раскопок. Большую помощь в составлении сводки погребений с топорами оказал нам Л.В.Субботин. Им же выполнены используемые в статье рисунки топоров. Краткая информация о комплексах приводится в Приложении.

Картографирование захоронений с топорами (рис.1) показывает, что в рассматриваемом регионе они достаточно равномерно распределены по всей территории. Но обратим внимание на большое число ямных погребений с топорами в регионе. Комплексы, содержащие проушные топоры, их фрагменты и заготовки, на общем массиве в около 2500 исследованных ямных погребений Северо-Западного Причерноморья составляют примерно 0,9%. Для сравнения, на 931 захоронение ямной культуры южнобугского варианта приходится лишь 1 комплекс с топором [59, с.47,72-97], что составляет 0,1%. На около 500 ямных погребений севера Степного Поднепровья выявлены 1 комплекс с целым топором и 1 – с фрагментом [22, с.66,90,92]. Это – 0,4%. Из 589 ямных захоронений Северо-Западного Приазовья топор не содержало ни одно [34, с.18].

Вопрос о датировке ямных погребений с топорами усложняется тем, что как целые формы, так и их фрагменты, а также кремневые топоры сами по себе не являются датирующими предметами, ибо каждый из типов, присутствующий в нашей сводке, бытовал длительное время. Ряд

исследователей, рассматривавших ямные погребения Северо-Западного Причерноморья, важным хронологическим признаком считает позу погребенного, определяя при этом скорченное на спине положение более ранним, а положение на боку – более поздним [63, с.104-109; 4, с.62-64]. В захоронениях нашей сводки, где были целые проушные топоры, положение умершего восстанавливается в 7 случаях: 2 скорчены на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, 4 – на спине с наклоном влево и правой кистью на бедре, 1 – на левом боку. Отсюда можно допустить, что целые топоры клались в могилы на протяжении всего периода обитания ямных племен в Северо-Западном Причерноморье. Среди погребенных с заготовками топоров 1 скорчен на спине, 1 – на спине с наклоном влево, 1 – на спине с наклоном вправо, 1 – на правом боку. Таким образом, заготовки также попадали в погребения на всех этапах. Погребенные с фрагментами топоров в 9 случаях положены скорчено на спине, в 1 – с наклоном вправо. Существует ряд аргументов в пользу того, что скорчено на спине погребались умершие не только на раннем этапе, но и в течение всего времени существования ямной культуры региона. Рассмотрение этих доводов выходит за рамки работы, но мы полагаем, что и фрагменты топоров использовались в погребальном ритуале не только на раннем этапе, но и позднее. Из погребенных с кремневыми топорами 1 был скорчен на спине, 1 – на спине с наклоном влево, 2 – на спине с наклоном вправо, 4 – на левом боку, 2 – на правом. Учитывая распространение кремневых топоров в доямное время, было бы логично допускать датировку погребений с ними раннеямным этапом. Однако, среди них есть и относимые к раннеямным – Александровка, 1/16 (мнение В.Г.Петренко), и к поздним, с сосудами позднеямного облика – Маяки, 9/1, либо позднеямные по данным стратиграфии – Григорьевка, 1/10.

Таким образом, практика помещения в могилы каменных проушных топоров, их заготовок и фрагментов, а также кремневых топоров существовала на всем хронологическом интервале обитания ямных племен в Северо-Западном Причерноморье (при этом, кремневые топоры связаны преимущественно с погребениями позднего этапа ямной культуры).

Существенно то, что топоры разного состояния как элемент погребального обряда сосуществовали во времени. Поэтому правомерно допустить, что здесь мы сталкиваемся с разными знаками, маркирующими специфические особенности погребенных. Поэтому стоит погребения с топорами разного состояния рассмотреть отдельно.

ПОГРЕБЕНИЯ С ЦЕЛЫМИ ТОПОРАМИ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ ЗАВЕРШЕННЫМИ

Из 8 учтенных погребений региона некоторые авторы наиболее ранними считают погребения из Светлого, 3/25 и Копчака, 3/10, относимые

ими к эпохе энеолита. При этом Е.В.Яровой, датируя таким временем комплекс из Светлого, исходит из того, что основные погребения со скорченным на спине положением умерших и восточной ориентировкой являются доянными и относятся к середине IV тыс. до н.э., хотя сам обращает внимание на то, что обряд их практически не отличим от обряда ямной культуры, а погребальный инвентарь редок и не составляет устойчивых типологических серий. Другим аргументом в пользу отнесения комплекса из Светлого к доянному времени являлось допущение, что каменные топоры не характерны для погребений ямной культуры [65, с.32]. Наша сводка заставляет скептически отнестись к этому тезису. Как мы увидим ниже, как раз для доянного времени проушны топоры в погребениях не характерны. Погребение из Копчака В.С.Бейлекчи отнес к энеолиту на основании найденных на поверхности насыпи фрагментов гумельницкой керамики [9, с.42-43]. Напротив, Е.В.Савва трактовал захоронение как принадлежащее к культуре многоваликовой керамики [35, с.78], никак не обосновывая такую атрибуцию. Мы считаем вполне правоммерным отнести этот комплекс к ямной культуре, тем более, что известно бесспорно ямное захоронение с тождественными чертами ритуала и топором близких пропорций на Правобережной Днепропетровщине [23, с.39]. Погребение из Березино, 1/2 разрушено, топор из него архаичен [5, с.79], но подобные топоры в рассматриваемом регионе бытуют и в катакомбное время [50, *рис.2,9*], а потому отнесение березинского комплекса к ямной культуре условно.

Время появления каменных проушных топоров на юге Восточной Европы – раннее Триполье [11, с.197]. Хорошо представлены они и на гумельницких поселениях [37, с.43-44]. Но в более восточных районах степей вплоть до середины III тыс. до н.э. поселенческие комплексы фиксируют безраздельное господство кремневых и каменных плоских топоров, что видно, в частности, по поселениям среднестоговской культуры [45, с.62-65]. На Константиновском поселении (Нижний Дон), датируемом первой половиной III тыс. до н.э., выявлено 18 кремневых и серия плоских каменных топоров, а проушные представлены лишь двумя фрагментами, да и то – предположительно [21, с.54-56]. Таким образом, в доянное время только на самой западной периферии степей имело место широкое использование проушных топоров. На прочих территориях степное население применяло почти исключительно кремневые и каменные плоские топоры, которые попадали и в погребения [21, с.72,76; 46, с.315]. Технология сверления камня твердых пород степному населению доянного времени была известна. Например, в памятниках хвалынского типа имеются сверленные наверх с цапфами [12, с.34], внешне очень напоминающие проушные топоры, но таковыми не являющиеся, будучи ли-

шенными лезвия. Наличие на них цапф позволяет поставить данные на-вершия в один семантический ряд с зооморфными скипетрами, распро-страненными в доянное время от Волги до Балкан [20, с.141]. Сверленные булавы, судя по находкам в памятниках мариупольского типа [21, с.67; 48, с.19], появляются даже раньше несверленных зооморфных скипетров. В погребениях доянного времени имеются проушные молотки [22, с.31], а вот каменных проушных топоров в могилах нет. То есть, хотя степное население этого времени могло сверлить камень, проушные топоры поч-ти не использовались и в могилы не попадали. В частности, в Северо-Западном Причерноморье, где время зооморфных скипетров представле-но памятниками суворовской и утконосовской групп, по И.Л.Алексеевой [5], или новоданиловского типа, по Д.Я.Телегину [49], в погребениях проушные топоры отсутствуют. Единичные их экземпляры появляются лишь в усовских захоронениях (информация В.Г.Петренко).

Итак, каменные проушные топоры попадают в состав погребального инвентаря после того, как из него исчезают зооморфные скипетры. Нам представляется, что исчезновение из погребений упомянутых скипетров и появление в них сверленных топоров – взаимосвязанные явления, а само замещение скипетров топорами отражает изменения в религиозно-мифологических представлениях, произошедшие около середины III тыс. до н.э. Такая дата устанавливается по датировке наиболее поздних зоо-морфных скипетров второй четвертью III тыс. до н.э. [20, с.142]. То, что данные скипетры были инсигниями власти, показала Е.Е.Кузьмина со ссылками на данные индоиранской традиции [27, с.184]. Включение в разряд инсигний власти каменных топоров фиксируют ямные стелы. Наиболее выразительны изображения топоров на стелах из Хаманджии [14, рис.53,3], Чобруч [31, рис.14,1], Керносовки [26, рис.1,1], Федоровки [44, рис.1,1; 2,1]. На последних двух стелах топор изображен спереди заткнутым за пояс, а на стеле из Чобруч – между кистями сложенных на груди рук. Показательно, что точно такие же позиции на других стелах занимает посох [14, рис.53,2; 31, рис.13,1]. Строго говоря, предмет этот более точно следует именовать герлыгой [47, с.15; 19, с.53-54]. В последние годы посохи, изображенные на стелах, рассматривались сквозь призму работ В.Я.Проппа как атрибут мертвеца, идущего в потусторонний мир [5, с.107-109; 31, с.99-101]. Но мертвец, который идет пешком, опираясь на посох, – стереотип "пеших" культур. Едва ли у скотоводов переправа могла мыслиться таким образом, а потому более вероятной нам кажется старая идея о посохе – атрибуте властителя [14, с.83; 47, с.15; 53, с.107-108]. Но топор и посох на стелах взаимозаменяемы, а потому позволительно считать, что и топор, подобно герлыге, был уже в ямное время в большей степени знаком власти, а не оружием. При этом, топоры на сте-

лах показаны очень реалистично. Это – явно не кремневые, а проушные топоры удлинённых пропорций, подобные топорам из Алкалии, Семеновки, Копчака, Бараново. Гипотеза о том, что на стелах ранней бронзы изображалось божество грозы [14, с.83], хорошо согласуется с присутствием на них изображений топоров. Топор как атрибут Громовака – убийцы Змея отражен индоевропейской традицией [33], но коль скоро это так, он может занять место в одном семантическом ряду с ваджрой, быкоголовой булавой Йимы и зооморфными скипетрами энеолита. Ассоциативность небесного владыки, каковым на определенном этапе стал Громовак, и земного властителя привела к тому, что атрибуты Громовака (сначала – что-то подобное энеолитическим зооморфным скипетрам, а потом – проушной топор) становились инсигниями власти. Открытым остается вопрос, почему Громовак "поменял" оружие около середины III тыс. до н.э.

Итак, можно допустить, что захоронения ямной культуры с целыми проушными топорами были могилами лиц, выполнявших властную функцию.

На рассматриваемой территории нами учтено 2 погребения с проушными молотами. Возможно, данные молоты были семантически равнозначны топорам, но, к сожалению, оба упомянутых погребения невыразительны (см. Приложение). Поза умерших характерна для ямных погребений, но, с другой стороны, такую же позу могут иметь и погребенные в комплексах черноторовской группы, в составе инвентаря которых молоты тоже встречаются. Таким образом, вопрос о погребениях с молотами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья пока остается открытым.

ПОГРЕБЕНИЯ С ФРАГМЕНТАМИ ПРОУШНЫХ ТОПОРОВ

Обратим внимание на то, что по степени выраженности некоторых социально значимых признаков данный массив уступает массиву погребений с целыми топорами. Так, среди последних в регионе 37,6% сопровождалось курганом или досыпкой. Для погребений с фрагментами топоров соответствующий показатель равен 9,1%. Сравним данные по размерам могильных ям. Ранее мы уже писали, что для ям с уступами средними можно считать размеры уступа 2,0-3,0х1,5-2,9 м и размеры камеры 0,7-2,5х0,5-1,8 м [18, с.26]. Среди погребений с целыми топорами 25,0% имели ямы с параметрами, превышающими средние, а среди погребений с фрагментами топоров – 18,2%. Отсюда видно, что лица, погребенные с фрагментами топоров, занимали в обществе нерядовое положение, но их место в системе социальных связей было несколько ниже, чем у лиц, знаком которых был целый топор.

В одном случае мы располагаем данными о поле и возрасте лица, по-

гребенного с фрагментом топора. В погребении из Глубокого захоронен молодой мужчина.

Большинство фрагментов топоров из погребений имели следы вторичного использования в качестве растирального. В погребении из Бутора I, 1/9 на фрагменте следов вторичного использования не замечено, но в могиле обнаружен терочник из красного гранита, причем оба предмета лежали симметрично – у левого и правого плеча. Погребения с фрагментами топоров, сопровождающихся другими орудиями, известны и за пределами Северо-Западного Причерноморья [52, с.111; 25, с.44; 10, с.26; 24, с.79; 29, с.69-73]. В погребении из Глубокого, 1/21 (Одесская обл.) выявлена серия "проколов" с резными головками. Подобные изделия могут быть деталями орудий прядения или ткачества [60, с.94], но это могут оказаться и остатки гребня – предмета туалета [54]. Наличие серии погребений с фрагментами топоров, которые можно трактовать как погребения мастеров (хотя не всегда понятно, каким ремеслом занимался при жизни умерший), достаточно интересно. Но не менее интересно и то, что в погребениях фрагменты топоров, как правило, несут следы вторичного использования. Перед нами – не замена вещи ее частью, распространенная в древних культурах. В ямной культуре такой случай применительно к топору нам известен только один: в погребении из Стойкань (Румыния) в лезвийной части топора, лопнувшего по проуху, было просверлено новое отверстие, причем предмет лежал так, словно покойник сжимал рукоять топора в руке [66, s.119, fig.53,54]. Когда же для растирания охры или других операций применялся не растиральный (а они в ямной культуре известны), но фрагмент топора, наблюдается ситуационное изменение семиотического статуса вещи. Суть такого изменения – в значимом нарушении прагматики. Вещь используется не в соответствии с ее практическими функциями. Знаковый эффект достигается за счет изменения характера связей между вещами, вещь входит в нестандартный контекст. О преднамеренности в данном случае свидетельствует устойчивое сочетание фрагментов топоров с охрой. В результате вещь превращается в знак, обладающий некоторой семантикой, не выводимой из самой вещи. Если традиционный растиральный применяется непосредственно по своему назначению, он обладает нормативно низким семиотическим статусом. Растиральный из обломка топора ему семиотически не равнозначен: устойчивое нарушение прагматики и семантических связей изначально актуализирует его знаковые свойства. Итак, если традиционный растиральный приобретает семиотический статус лишь при включении его в ритуал, то растиральный из фрагмента топора сразу осознается знаком с определенным семиотическим статусом, который при включении его в погребальный ритуал соответственно повышается. Следовательно, заме-

шение традиционного растиральника фрагментом топора не случайно, а вызвано необходимостью повышения семиотического статуса данной категории инвентаря и ритуального кода в целом. Отсюда можно допустить сакральность операций, производившихся фрагментами топоров, а соответственно – причастность лиц, погребенных с этими фрагментами, к ритуальной сфере. Присутствие фрагментов топоров в могилах, трактуемых как захоронения мастеров, не противоречит такому допущению, ибо в традиционных обществах мастер выполнял и ритуальные функции, а ремесла были сакрализованы [8, с.14]. Таким образом, мы склонны считать погребения с фрагментами топоров захоронениями мастеров и/или служителей культа.

ПОГРЕБЕНИЯ С ЗАГОТОВКАМИ ТОПОРОВ

Погребения с заготовками топоров в ямной культуре рассматриваемого региона слишком малочисленны (а в других регионах нам неизвестны вообще), чтобы попытаться определить место, которое занимали лица, погребенные с ними, в системе социальных связей общества. Возраст и пол умершего известен лишь в 1 случае. Это был мужчина 35-45 лет (Градиште, 1/2). На наш взгляд, помещение заготовки в могилу не было случайным. Использование в погребальном ритуале незавершенных изделий может быть связано с довольно распространенным явлением ритуальной незавершенности различных обрядов. В погребениях многих культур известны находки необожженных или слабо обожженных сосудов и других глиняных предметов. Зачастую фиксируется незавершенность погребального ритуала на определенном отрезке времени (погребальная камера на какое-то время остается открытой). Отмечается ритуальная незавершенность в течение определенного срока строительства домов, храмов у разных народов. Корни этих представлений следует искать в истории функционирования мировоззренческих категорий завершенности-незавершенности. Любой ритуал имеет свойство быть постоянно воспроизводимым, образуя постоянно функционирующий замкнутый цикл. Он имеет мифологическое начало, но не имеет конца в силу своей цикличности. Отсюда положительная оценка всего того, что не имеет конца, что относится к области вечного [7, с.92-95]. Видимо, идея незавершенности могла переноситься и на входящие в погребальный ритуал элементы инвентаря, в нашем случае – топоры, где отверстие не просверлено.

Обратим внимание на любопытный момент. В 2 захоронениях из 5 (40%) заготовка топора сочеталась со стрелой, лежавшей среди костей скелета. Данная стрела, вероятно, послужила причиной ранения или смерти погребенного. Для захоронений с целыми проушными топорами, фрагментами топоров и топорами из кремня случаи нахождения стрелы в теле умершего в нашей сводке отсутствуют. Учтем, что захоронения со

стрелами в костях очень редки среди ямных комплексов. Так, среди учтенных Е.В.Яровым 1000 погребений таких случаев было 7 – 0,7 % [63, с.80]. Редкая встречаемость признака "стрела в теле" и не менее редкая встречаемость признака "заготовка топора в погребении" делают сочетание данных признаков вообще теоретически почти невероятным. Тем не менее, 2 случая такого сочетания мы имеем. Отсюда уместно допущение, что это сочетание не случайно. Возможными объяснениями существования данного сочетания признаков являются, на наш взгляд, два: а) присутствие в могиле заготовки топора обуславливалось, среди прочего, причиной смерти; б) лица, статус которых маркировала заготовка, относительно часто участвовали в военных столкновениях, т.е. имели отношение к военной функции.

ПОГРЕБЕНИЯ С КРЕМНЕВЫМИ ТОПОРАМИ

Кроме каменных топоров в ямных погребениях Северо-Западного Причерноморья встречены топоры из кремня. Исследователи иногда именуют их теслами, хотя, на наш взгляд, жесткие критерии отличия этих двух орудий отсутствуют. Среди учтенных нами ямных погребений с топорами из кремня наиболее неординарно захоронение из Алкалии, 33/3, где, кроме миниатюрного кремневого топорика, найдены остатки лука и колчана со стрелами, булава, деревянное блюдо, бронзовые обоймы с остатками кожи, обломок бронзового ножичка, а также кремневое острие. Каменный ящик, в котором совершено погребение, расписан охрой.

Следует учесть, что ни в одном из ямных погребений Северо-Западного Причерноморья кремневый топор не сочетается с явными орудиями деревообработки. Поэтому идея о кремневых теслах маловероятна. В то же время кремневый топор присутствует в ярком воинском погребении из Алкалии. Отсюда можно допустить, что топор из кремня был компонентом системы вооружения ямного воина. Миниатюрные топоры типа алкалийского вполне могли использоваться в качестве оружия [21, с.52]. Хотя кремневые топоры и выявлены почти исключительно в поздняямных погребениях, не исключено, что из военной сферы они не исчезали на протяжении всего времени существования ямной культуры в интересующем нас регионе. Вспомним, что на стелах изображены не кремневые топоры, т.е. каменный проушной и кремневый топоры семантически равнозначны скорее всего не были. В алкалийском комплексе присутствует булава, которая, видимо, как раз и являлась знаком власти. В ямных погребениях булав встречаются значительно реже, чем проушные топоры. Вопрос о соотношении последних и булав в знаковой системе ямной культуры до сих пор не ясен.

В связи с кремневыми топорами отметим, что массив погребений с

ними по удельному весу захоронений в больших ямах (25,0%) сопоставим с массивом погребений, содержавших целые технологически завершённые топоры. В то же время среди погребений с кремневыми топорами только 1 (10,0%) сопровождалось курганной насыпью, а для погребений с целыми топорами этот показатель составляет 37,6%. Отсюда можно допустить, что лица, погребённые с топорами из кремня, по степени престижа, как правило, уступали лицам, которых маркировал проушной топор.

Для трех погребений с кремневыми топорами известен пол и возраст умерших. Все были мужчинами с возрастом 35-45 (Рошканы, 1/13), около 50 (Пуркары, 1/4) и 50-60 (Холмское, 5/14) лет. Если верно допущение, что кремневый топор маркировал воина, то присутствие данных топоров в захоронениях лиц зрелого возраста принципиально важно, ибо свидетельствует о том, что носителями военной функции были немолодые люди определенного возраста, как в обществах с системой возрастных классов, а более старшие мужчины или же все боеспособное население, что характерно для мобильных скотоводов более поздних эпох.

Итак, наша попытка рассмотрения ямных погребений Северо-Западного Причерноморья с каменными и кремневыми топорами позволила констатировать, что данные погребения, несомненно, выделяются на фоне однокультурного массива, причем это относится и к комплексам, где топор представлен заготовкой или фрагментом. В последнем случае орудие из фрагмента топора имеет, очевидно, более высокий семиотический статус, чем орудие, бывшее изначально таковым. Высказанные предположения о связи целых технологически завершённых проушных топоров со статусом властителя, фрагментов – со статусом мастера и/или служителя культа, а кремневых топоров – с лицами, имевшими отношение к военной функции, во многом предварительны и должны быть проверены в будущем, когда сводка ямных погребений с топорами пополнится новыми комплексами.

Приложение.

Основная информация об использованных комплексах

Целые проушные топоры, технологически завершённые

1. *Алкалия, 5/6*. Впускное. Размеры п. к. – 1,5х1,05х0,4 м. Поза – П Л. Ориентация – ЗСЗ. Топор (рис.3,6) лежал поперек левого плеча. Другой инвентарь – сосуд, кремневый "серп". Подстилка. Охра на костяке [42].

2. *Бараново, 1/10*. Сопровождалось досыпкой. Размеры уступа – 4,7х3,1х1,74 м, п. к. – 2,5х1,6х1,3 м. Поза – I. Ориентация – З. Топор (рис.3,8) лежал у черепа. Другой инвентарь – 2 серебряные подвески. В

заполнении – крупный камень [13].

3. **Березино, 1/2.** Разрушено. Другой инвентарь – медная подвеска [5, с. 79, рис. 25, 3, 3 а].

4. **Копчак, 3/10.** Основное. Ровик в кургане. Размеры уступа – 2,5х2,0 м, п. к. – 2,0х1,4х1,0 м. Поза – П Л. Ориентация – С. Топор (рис. 3, 7) лежал у левого локтя, рукоять, видимо, была вложена в правую руку. Материал – базальт. Цинковка и кора на дне могилы. Охра на костяке [9, с. 42-43].

5. **Кубей, 23/18.** Впускное. Размеры уступа – 2,9х2,9 м, п. к. – 1,88х1,4 м (верх), 1,55х1,05 м (низ). Поза – П Л. Ориентация – З. Топор (рис. 3, 1) лежал у правого плеча. Другой инвентарь: кремневый отщеп, бронзовый предмет (разложился). Подстилка (?) [42].

6. **Пуркары, 1/38.** Размеры п. к. – 1,95х1,3х1,1 м. Поза П Л. Ориентация – СЗ. Топор (рис. 3, 2) лежал у лица. Другой инвентарь – кремневые нож, 4 стрелы, заготовка стрелы, 2 бронзовых шила. Подстилка. Охра на костяке и перед лицевой частью черепа на дне могилы [64, с. 82-84].

7. **Светлый, 3/25.** Основное. Размеры п. к. – 1,78х1,0х0,75 м. Поза – I. Ориентация – ВСВ. Топор (рис. 3, 3) лежал справа от черепа. Материал – песчаник. Подстилка. Охра на костяке [28, с. 134].

8. **Семеновка, 8/16.** Впускное. Размеры уступа – 2,45х2,0 м, п. к. – 1,5х1,0х0,4 м. Поза – III Л. Ориентация – ЗСЗ. Топор (рис. 3, 10) лежал напротив груди, в отверстии – следы дерева. Рукоять, видимо, была вложена в руку. Материал – кварцитовидный скрытозернистый песчаник. Другой инвентарь – сосуд, медная обойма, 2 кремневых отщепа. Подстилка. Охра на ней и костяке [39, с. 70].

Фрагменты проушных топоров

1. **Белолесье, 3/22.** Впускное. Размеры уступа – 2,85х2,7 м, п. к. – 1,65х1,25х0,95 м. Поза – П П. Ориентация – ССЗ. Обушковая часть со следами использования в качестве растиральника лежала у правой руки. Подстилка [41].

2. **Буторы I, 1/9.** Частично разрушено. Впускное. Ориентация – З. Обушковая часть без следов вторичного использования (рис. 4, 4) лежала у левого плеча. Материал – диорит. Другой инвентарь – терочник из гранита. Подстилка (?) [30, с. 55-56].

3. **Великодолинское, 1/8.** Впускное. Размеры п. к. – 1,3х1,0х0,9 м. Перекрытие из 6 каменных плит. Поза – I. Ориентация – СВ. Растиральник из обушковой части топора (рис. 4, 7) лежал у левого локтя. Подстилка. Охра на костяке и растиральнике [43, с. 193].

4. **Глубокое, 1/21.** Впускное. Размеры уступа – 2,4х1,55 м, п. к. – 1,55х0,7х1,05 м. Поза – I. Ориентация – СЗ. Обушковая часть со следами вторичного использования в качестве растиральника охры лежала у пра-

вого плеча. Матеріал – зелений песчаник. Другой інвентарь – 10 костяних "проколов" с різними головками. Охра на черепе [61, с.44].

5. *Дзинилор, 1/17*. Впускное. Розміри уступа – 2,9х2,2 м, п. к. – 1,7х1,1х2,05 м. Поза – І. Орієнтація – СВ. Обушкова частина без слідів вторичного використання (рис.4,5) лежала у черепа. В могилі були ще 2 костяка дітей. Подстилка. Охра на дні [6].

6. *Кубей, 23/8*. Впускное. Розміри уступа – 3,0х2,5 м, п. К 1,7х1,25х1,0 м. В стенках вертикальні пази. 6 дерев'яних столбиків. Поза І. Орієнтація – ЮВ. Обломок растиральника із фрагмента топора лежав між костями кінцевостей. Матеріал – рожевий граніт. Другой інвентарь – крем'як. В могилі був ще костяк дитини. Подстилка (?). Охра на костях [42].

7. *Лиман, 3а/52*. Впускное. Розміри уступа – 1,8х1,6 м, п. к. – 1,4х0,8х0,7 м. Поза – І. Орієнтація – СЗ. Обушкова частина со слідами вторичного використання в якості растиральника лежала у правого ліктя. Другой інвентарь – бронзове кільце [38].

8. *Плавни, 2/9*. Впускное. Розміри п. к. – 1,65х1,0х0,2 м. Поза – І. Орієнтація – Ю. Лежала справа від черепа. Другой інвентарь – кремні, гостріє із кістки [6].

9. *Плавни, 13/15*. Основное. Розміри уступа – 3,7х3,6х0,9 м, п. к. – 2,0х1,3х1,3 м. Поза – І. Орієнтація – СВ. Лезвийна частина с выбоинами і стертіостями на місці ізлому (вторичне використання для дроблення охри) лежала справа від черепа. Подстилка. Охра на костяку і під ним (рис.4,3) [31].

10. *Шевченко, 3/11*. Впускное. Розміри п. к. – 1,0х0,75 м. Поза – І. Орієнтація – З. Растиральник із обушкової частини топора (рис.4,6) лежав зліва від черепа (по визначенню Г.Ф.Коробкової, використовувався для измельчення мідної руди). Охра в невеликому кількості [4].

11. *Семеновка, 14/12*. Впускное. Розміри уступа – 4,1х3,0х2,7 м, п. к. – 2,0х1,0х1,0 м. Поза – І. Орієнтація – ЮЗ. Лезвийна частина со слідами вторичного використання (рис.4,2), вся покрита охрою, лежала у лівій руці. Подстилка. Охра на костяку [39, с.51].

Заготовки топоров

1. *Алкалия, 5/8*. Сопровождалось досыпкой. Розміри уступа – 4,5х2,5х1,8 м, п. к. – 2,3х1,3х1,25 м. Поза – І. Орієнтація – СЗ. Заготовка (рис.4,8) лежала у лівого коліна. Матеріал – м'який известняк. Другой інвентарь – каменний оселок, бронзовий ніж в ножнах. Подстилка. Охра на костяку [42].

2. *Градиште, 1/2*. Впускное. Поза – ІІ Л. Орієнтація – Ю. Заготовка (рис.4,11) лежала у лівого коліна. Матеріал – зеленуватий песчаник. Подстилка. Охра. В області живота – кремнева стріла [62].

3. **Фрикацей, 4/1.** Впускное. Разрушено. Ориентация – СВ. Заготовка (рис.4,9), слегка отшлифованная, найдена к ЮЗ от верхней части туловища. Охра на костяке и дне ямы [51].

4. **Червоный яр i, 1/6.** Впускное. Размеры п. к. – 1,35х1,0 м. Поза – II П. Ориентация – С. Заготовка (рис.4,10) лежала в сосуде. Другой инвентарь – сосуд, 2 "утяжелителя-абразива". Подстилка. В области шеи – кремневая стрела [5, с.81].

5. **Чобручи, 4/10.** Впускное. Размеры п. к. – 1,45-1,3х1,4 м. Поза – III П. Ориентация – ВСВ. Заготовка топора-молота лежала на фалангах левой руки погребенного. Материал – светло-серая галька. На обухе – следы древнего скола, посередине – канавка для привязывания (?). Другой инвентарь – сосуд и донная часть другого. Охра у черепа и грудной клетки [2].

Проушные молоты

1. **Михайловка, 3/1.** Впускное. Поза – II Л. Ориентация – Ю. Молот (рис. 4, 1) лежал у правого локтя [55].

2. **Чимишлия, 1/7.** Впускное. Размеры п. к. – 1,5х1,1 м. Поза – I. Ориентация – ЮЗ. Молот лежал у правого плеча [15, с.25].

Кремневые топоры

1. **Александровка, 1/16.** Впускное. Размеры п. к. – 2,05х1,3 м. Поза – I. Ориентация – ЗЮЗ. Топор (рис.2,3) лежал у правого плеча. Обух отбит в древности. Другой инвентарь – 7 кремневых отщепов и обломки раковины. Подстилка. Охра у правого плеча, рядом с ней – кальцинированная кость. (Любезная информация В.В.Бейлекчи и В.Г.Петренко, которым авторы искренне признательны).

2. **Алкалия, 33/3.** Впускное. Совершено в каменном ящике размерами 1,6х1,3 м. Поза – III Л. Ориентация – СВ. Топор (рис.2,2) лежал у лба. Другой инвентарь – кремневые острие, 11 стрел, кожаный ремешок с 3 бронзовыми обоями, бронзовый нож, каменная булава, деревянные лук, колчан, блюдо. Подстилка на подсыпке из чернозема с золой. Стенки ящика покрыты жидкой глиной и расписаны охрой [40, с.195-196].

3. **Гаваноаса, 9/2.** Впускное. Размеры п. к. – 1,7х0,9х0,6 м. Поза – II П. Ориентация – В. Фрагменты разбитого в древности топора с отсутствовавшим лезвием (рис.2,1) лежали "веером" вокруг черепа. Другой инвентарь – каменный терочник со следами медной окиси на рабочей части, фрагмент керамики. Подстилка (?). Охра на костяке [2].

4. **Григорьевка, 1/10.** Впускное. Размеры п. к. – 1,3х0,8х0,7 м. Поза – III П. Ориентация – С. Топор (рис.2,5) лежал напротив черепа. Другой инвентарь – кремневая пластина. Подстилка. Охра на черепе и под ним [36, с.13].

5. **Маяки, 9/1.** Основное. Размеры п. к. – 1,7х1,2х0,6 м. Поза – III Л.

Ориентация – С. Топор (рис.2,9) лежал у темени. Другой инвентарь – 2 сосуда, костяная проколка. Охра на костяке [56].

6. *Никольское, 11/7*. Впускное. Размеры уступа – 2,5х2,4 м, п. к. – 1,7х1,3х0,67 м. Поза – II П. Ориентация – СЗ. Топор (рис.2,4) лежал у правого предплечья. На лезвии – следы сработанности. Другой инвентарь – кремневая проколка. Подстилка [1].

7. *Пуркары, 1/4*. Впускное. Размеры п. к. – 2,2х1,5х0,7 м. Поза – III Л. Ориентация – СЗ. Топор (рис.2,6) лежал у левого плеча. Другой инвентарь – необработанный камень. Подстилка. Охра на костяке [64, с.47].

8. *Рошканы, 1/13*. Впускное. Размеры п. к. – 1,95х1,4 м. Поза – II Л. Ориентация – ВСВ. Топор (рис.2,10) лежал перед лицом. Другой инвентарь – сосуд, кремневый осколок, 5 бронзовых пронизей от браслета, костяная стрела. Подстилка [17, с.15-16].

9. *Семеновка, 8/13*. Впускное. Размеры уступа – 2,85х2,45 м, п. к. – 1,8х1,2х0,7 м. Поза – III П. Ориентация – СЗ. Топор (рис.2,7) лежал у правого локтя. Подстилка. Охра у ключиц и пяток. Углубление в дне ямы перед лицом [40, с.67].

10. *Холмское, 5/14*. Впускное. Размеры уступа – 1,8х1,5 м, п. к. – 1,3х1,2х0,6 м. Поза – III Л. Ориентация – СВ. Топор (рис.2,8) лежал перед костяком. Другой инвентарь – сосуд [57, с.88].

Примечания. Под цифровым индексом позы имеется в виду номер обрядовой группы по Е. В. Яровому [63, с.44-48]; Л – левый бок, П – правый бок; п. к. – погребальная камера.

Источники и литература

1. Агульников С.М. Отчет о работе Кагульской новостроечной археологической экспедиции в 1991 г. // Архив института археологии и древней истории Академии наук Республики Молдова.

2. Агульников С.М. Отчет о работе Слободзейской новостроечной археологической экспедиции в 1988 г. // Архив института археологии и древней истории Академии наук Республики Молдова.

3. Агульников С.М. Отчет о работе Суворовской новостроечной археологической экспедиции в 1989 г. // Архив института археологии и древней истории Академии наук Республики Молдова.

4. Алексеева И.Л. Курганы эпохи палеометалла в Северо-Западном Причерноморье. – К., 1992.

5. Алексеева И.Л. Отчет о работе Днестро-Дунайской экспедиции Одесского археологического музея в 1974 г. // Архив Одесского археологического музея.

6. Андрух С.И., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н. Курганы у села Плавни в низовьях Дуная // Монография депонирована в ИНИОН АН СССР 13.08.85 г., № 21110.

7. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983.

8. Байбурин А. К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. – Л., 1990.
9. Бейлекчи В.С. Раскопки кургана 3 у с. Копчак // Археологические исследования в Молдавии, 1985. – Кишинев, 1990.
10. Березанская С.С., Ляшко С.М. Вивчення ремесла за виробничими комплексами з пам'яток доби бронзи // Археологія. – 1989. – № 3.
11. Бибииков С.Н., Збенович В.Г. Ранний этап трипольской культуры // Археология Украинской ССР. – Т.1. – К., 1985.
12. Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев, 1980.
13. Ветчинникова Н.Е., Иванова С. В. Отчет о работе Малиновского отряда ООАЦ в 1991 г. // Архив археологических материалов.
14. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. – К., 1974.
15. Дергачев В.А. Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта МССР. – Вып. 3. – Кишинев, 1973.
16. Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. – Кишинев, 1986.
17. Дергачев В.А., Борзьяк И.А., Манзура И.В. Рошканские курганы. – Кишинев, 1989.
18. Иванова С.В., Цимиданов В.В. О социологической интерпретации погребений с повозками ямной культурно-исторической общности // Археологический альманах. – Донецк, 1993. – № 2.
19. Ильюков Л.С. Пастушья палка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. – Вып.13. – Азов, 1994.
20. Кияшко В.Я. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н.э.). – Азов, 1994.
21. Кияшко В.Я. Энеолитические скипетры из Ростовского областного музея краеведения // Известия Ростовского областного музея краеведения. – Вып. 5. – Ростов-на-Дону, 1988.
22. Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке. – Днепропетровск, 1984.
23. Ковалева И.Ф., Шалобудов В.Н. Раскопки курганов эпохи бронзы в Правобережном Предстепье // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1992.
24. Ковпаненко Г.Т., Качалова Н.К., Шарафутдинова И.Н. Курганы у с. Новочерноморье Херсонской области // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. – К., 1967.
25. Константинову Л.Ф. Производственные комплексы из погребений ямной культуры Донбасса // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тезисы докладов конференции. – Донецк, 1987.
26. Крылова Л. П. Керносковский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. – К., 1976.
27. Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. – Вып. IV. – М., 1986.
28. Манзура И.В. Исследования курганов у пос. Светлый // Курганы в зонах новостроек Молдавии. – Кишинев, 1984.
29. Марина З.П. Ямные погребения Левобережья Днестра с производственным

инвентарем // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1995.

30. Мелюкова А.И. Работы Западно-Скифской экспедиции // Археологические исследования в Молдавии. 1973. – Кишинев, 1974.

31. Новицкий Е.Ю. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. – Одесса, 1990.

32. Петрунь В.Ф. Александровский курган (естественно-научные наблюдения) // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья: Тезисы докладов конференции, – Белгород-Днестровский, 1995.

33. Полідович Ю.Б., Циміданов В.В. Кам'яна сокира в пам'ятках зрубної культурно-історичної спільності // Археологія. – 1995. – № 2.

34. Рассмакин Ю.Я. Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Приазовья: Автореф. дис... канд. ист. наук. – К., 1992.

35. Савва Е.В. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. – Кишинев, 1992.

36. Субботин Л.В. Гробницы кеми-обинского типа Северо-Западного Причерноморья // Российская археология. – 1995. – № 3.

37. Субботин Л.В. Два кургана эпохи бронзы в Буго-Днестровском междуречье // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. – К., 1982.

38. Субботин Л.В. Памятники культуры Гумельница юго-запада Украины. – К., 1983.

39. Субботин Л.В. и др. Отчет о работе Дунай-Днестровской археологической экспедиции ИА АН УССР в 1985 г. // Архив Одесского археологического музея.

40. Субботин Л.В. Семеновский могильник эпохи энеолита-бронзы // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. – К., 1985.

41. Субботин Л.В., Дворянинов С.А. Отчет о работе Дунай-Днестровской экспедиции ИА АН УССР в 1980 г. // Архив Института археологии Национальной Академии наук Украины.

42. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., Фокеев М.М., Сапожников И.В. Отчет о работе Днестро-Дунайской экспедиции в 1987 г. // Архив Института археологии Национальной Академии наук Украины.

43. Субботин Л.В., Черняков И.Т., Ядвичук В.И. Некоторые проблемы древнейшей истории Северо-Западного Причерноморья // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып. 8. – К.-Одесса, 1976.

44. Супруненко А. Б. Антропоморфная стела эпохи раннего металла из Полтавской области // Советская археология. – 1991. – № 3.

45. Телегін Д.Я. Вартові тисячоліть. – К., 1991.

46. Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. – К., 1973.

47. Телегин Д.Я. Еще раз о выделении памятников новоданиловского типа эпохи меди // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.): Тезисы докладов конференции, – Кишинев, 1991.

48. Телегин Д.Я. Неолитические могильники Мариупольского типа. – К., 1991.

49. Телегин Д.Я. Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном Левобережье Украины // Археология Украинской ССР. – Т.1. – К., 1985.

50. Тошев Г.Н. О памятниках катакомбной культуры на территории Северо-Западного Причерноморья // Древности Северо-Западного Причерноморья. – К., 1981.
51. Тошев Г.Н., Сапожников И.В. Курганная группа у станции Фрикацей // Древности степного Причерноморья Крыма. – Т.І. – Запорожье, 1990.
52. Трифонов В.А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита-средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. – Л., 1991.
53. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. – М., 1980.
54. Цимиданов В.В. Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры // Древности. – Харьков, 1995.
55. Черняков И.Т. и др. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1982 г. // Архив Одесского археологического музея.
56. Черняков И.Т., Дзиговский А.Н., Чернов С.И. Отчет о работе Буго-Днестровской новостроечной экспедиции в 1983 г. // Архив Института археологии Национальной Академии наук Украины.
57. Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. Холмские курганы // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – К., 1986.
58. Черняков И.Т., Станко В.Н., Гудкова А.В. Холмские курганы // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – К., 1986.
59. Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // Свод археологических источников. – К., 1986.
60. Шарафутдинова И.Н. Курган у с. Пелагеевка // Древности Поингуля. – К., 1977.
61. Шмаглий Н.М., Черняков И.Т. Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып. 6. – Ч. 1. – Одесса, 1970.
62. Яровой Е.В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. – Кишинев, 1985.
63. Яровой Е.В. Курганы энеолита-бронзы Нижнего Поднестровья. – Кишинев, 1990.
64. Яровой Е.В. О культурной принадлежности основных курганных погребений с восточной ориентацией // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э.
65. Яровой Е.В. Отчет о работе Суворовской новостроечной археологической экспедиции в 1978 г. // Архив Института археологии и древней истории Академии наук Республики Молдова.
66. Petrescu-Dymbovitza M. Cetatiua dela Stoicani // Materiale Arheologice privind istoria veche a R. P. R. V. I. – Bucuresti, 1953.

Список иллюстраций

Рис.1. Карта погребений ямной культуры Северо-Западного Причерноморья с топорами. 1 – Григорьевка; 2 – Буторы; 3 – Рошканы; 4 – Никольское; 5 – Бараново; 6 – Слободзея; 7 – Градиште; 8 – Саратены; 9 – Чимишлия; 10 – Чобручи; 11 – Пуркары; 12 – Маяки; 13 – Великодолинское; 14 – Александровка; 15 – Светлый;

16 – Березино; 17 – Семеновка; 18 – Михайловка; 19 – Белолесье; 20 – Лиман; 21 – Алкалия; 22 – Копчак; 23 – Холмское; 24 – Дзинилор; 25 – Глубокое; 26 – Гаваноаса; 27 – Кубей; 28 – Червоный Яр; 29 – Шевченко; 30 – Фрикацей; 31 – Плавни.

Рис.2. Кремневые топоры. 1 – Гаваноаса; 2 – Алкалия; 3 – Александровка; 4 – Никольское; 5 – Григорьевка; 6 – Пуркары; 7 – Семеновка; 8 – Холмское; 9 – Маяки; 10 – Рошканы.

Рис.3. Целые технологически завершенные топоры. 1 – Кубей; 2 – Пуркары; 3 – Светлый; 4 – Слободзея; 5 – Саратены; 6 – Алкалия; 7 – Копчак; 8 – Бараново; 9 – Северо-Западное Причерноморье (точное место находки неизвестно); 10 – Семеновка.

Рис.4. Молот, фрагменты и заготовки топоров. 1 – Михайловка; 2 – Семеновка; 3 – Плавни; 4 – Буторы; 5 – Дзинилор; 6 – Шевченко; 7 – Великодолинское; 8 – Алкалия; 9 – Фрикацей; 10 – Червоный Яр; 11 – Градиште.